

АВТОНОМНЫ ЛИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?

А. Вишневский

Доклад на 3-й Международной научной конференции
МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
Москва, 3-4 апреля 2002 года

На подобных больших междисциплинарных научных конференциях люди обычно избегают чисто теоретических докладов, стараются представить материал, легко воспринимаемый на слух, иллюстрируемый слайдами и т.п. Я предпочел бы сделать то же самое, но, боюсь, в этом будет мало смысла. Демографическая ситуация, демографические прогнозы и связанные этим проблемы уже достаточно хорошо известны и со своей, так сказать, фактической стороны не вызывают особых споров. Всех интересует интерпретация фактов, возможности и границы действий, направленных на изменение ситуации. А это требует каких-то обобщенных, концептуальных взглядов и подталкивает в область теоретических рассуждений. Существуют различные концептуальные подходы к постановке диагноза и выбору методов лечения, и их-то и надо обсуждать. Отсюда и постановка вопроса, вынесенного в название доклада: Автономны ли демографические процессы в современной России?

О какой автономности идет речь?

Начиная с 1992 года, Россия в четвертый раз за XX столетие вступила в период сокращения численности населения, которое не прекращается вот уже 10 лет и, видимо, не скоро кончится. Неблагополучием отмечены все главные демографические процессы - неоправданно высокая смертность, низкая рождаемость, замирающая миграция. Все это происходит на фоне более общих глубоких и болезненных экономических и социальных перемен, и неудивительно, что общественное мнение склонно рассматривать негативные демографические тенденции как прямое следствие этих перемен. Иными словами, нынешняя депопуляция видится как непосредственный ответ населения на неблагоприятную экономическую и социальную конъюнктуру, а из этого вытекает, что как только эта конъюнктура улучшится, начнут поправляться и дела в демографической сфере. Другая разновидность того же видения ситуации заключается в том, что даже и при не очень хорошей общей конъюнктуре можно с помощью специальных мер демографической политики создать, например, относительно более благоприятную локальную конъюнктуру, скажем, для семей с детьми и таким способом добиться повышения рождаемости.

Такое понимание ситуации означает, по существу, отрицание автономности демографических процессов. Они видятся привязанными коротким поводком к экономическим или каким-то другим процессам и просто следуют за ними, не имея собственной, внутренней логики саморазвития.

Если же мы говорим, что демографические процессы автономны, то мы признаем наличие именно внутренней логики, внутренних системных детерминант демографической динамики, того, что можно было бы назвать «внутренней средой» демографической системы. Такая среда обеспечивает гомеостаз системы, ее способность гасить внешние возмущающие воздействия, благодаря возникновению в системе отрицательных обратных связей. Иными словами, если продолжить тот же пример с рождаемостью, то ее уровень не есть простая функция экономической или какой-нибудь иной «внешней» динамики, а

складывается в значительной степени независимо от нее, а очень часто даже вопреки ей (рождаемость снижается, как правило, по мере роста благосостояния). Но если признать, что демографическое поведение людей в значительной степени защищено от спонтанных внешних воздействий, даже таких резких, как влияние войн, социальных потрясений, экономических кризисов, то почему следует ожидать, что эта защита не сработает и против сознательных, целенаправленных, но тоже внешних воздействий, скажем, против мер пронаталистской демографической политики?

На первый взгляд, эта гипотеза очень сильно противоречит всему, что мы наблюдаем в России в последние 10-15 лет. Правда, многое зависит от того, какие очки у нас на носу, когда мы ведем наше наблюдение: очки однолинейно нацеленных политиков, очки политически ангажированных СМИ или все же хорошо подобранные очки исследователя.

Невозможно отрицать резкого падения рождаемости в России в 90-е годы, совпавшего с наиболее трудным периодом экономических и политических реформ, так же точно, как невозможно отрицать ни ее падения в другие тяжелые периоды отечественной истории, ни ее подъема, пусть и скромного, под воздействием мер демографической политики первой половины 80-х годов. Но есть, по меньшей мере, две оговорки, которые надо сделать по поводу этого бесспорного опыта.

1. Соотношение рождаемости условных и реальных поколений
2. Сопоставление опыта России и других стран.

(4 графика:

1. Итоговая рождаемость реальных и условных поколений женщин в России. Число детей, рожденных к возрасту 50 лет, в среднем на одну женщину (по С. Захарову)
2. Итоговая рождаемость реальных поколений женщин 1841-1965 годов рождения в некоторых странах; Итоговая рождаемость условных поколений женщин (коэффициент суммарной рождаемости) в некоторых странах, 1950-2000
3. Падение коэффициента суммарной рождаемости за «критическое» десятилетие в некоторых странах
4. Нетто-коэффициент воспроизводства населения в некоторых странах
5. Каким был бы естественный прирост населения России при возрастной структуре некоторых стран и российских повозрастных уровнях рождаемости и смертности

Таким образом, даже то, что на первый взгляд выглядит совершенно бесспорным, при более внимательном рассмотрении выглядит иначе даже на уровне фактов. Тем более следует избегать упрощенных толкований очень сложных по своей природе социальных явлений.

Системные объяснения часто кажутся трудно постижимыми, прямо-таки мистическими. Большинство исследователей, по крайней мере, в демографии, их не использует. Преобладающим все еще остается факторный подход. Кажется очевидным, что демографическое поведение людей зависит от тех или иных воздействующих на него «факторов» - благосостояния семьи, жилищных условий,

уровня образования, состояния здоровья и т.п., и вот уже много десятилетий исследователи во всех странах, с тупостью, достойной некоторых персонажей «Жизни животных» Брэма, пытаются вычлениить эти факторы, измерить их влияние и пр. «Человек с улицы», отвечая на анкету исследователя или журналиста, с уверенностью называет один или два фактора, которые мешают ему иметь еще одного или двух детей, которых, он убежден, он имел бы, если бы не эти очевидные помехи. Этих ответов бывает достаточно для политиков, которые тут же составляют список мер, направленных на устранение этих помех. Вдумчивый исследователь не довольствуется простым ранжированием ответов, а составляет список из 10 или 20 факторов и с помощью разного рода математических процедур более точно измеряет степень влияния каждого фактора, его связь с числом детей. Но, в конце концов, он тоже дает свои рекомендации политикам, и теперь речь идет уже о так называемых «научно обоснованных» рекомендациях.

Вопрос, однако, заключается в том, как поступать, если факторов, влияющих на решение человека иметь или не иметь детей, вообще на каждый акт демографического поведения человека, не 10 и даже не 100, а скажем, тысяча или сто тысяч, что совершенно не исключено. Ведь нормы демографического поведения формируются и закрепляются в непрерывном процессе проб и ошибок, который складывается из десятков и сотен миллионов, даже миллиардов единичных актов. Каждая женщина, каждая семья испытывает на себе воздействие неповторимого набора огромного количества факторов. Цены на мясо, количество метров жилой площади или наличие автомобиля могут быть очень важны для того или иного человека, но, пусть каждый задумается, неужели это важнее состояния здоровья своего или детей, взаимоотношений супругов, общего самочувствия в социальной группе, профессиональных интересов, потребностей в творческой самореализации, возможности дать детям желаемое образование, удовлетворения своих интимных потребностей, политических амбиций, тяги к вертикальной мобильности, охоты к перемене мест, состояния войны или мира – этот список можно продолжать бесконечно. Но даже если бы удалось составить исчерпывающий перечень всех таких факторов, то надо еще учитывать, что в каждом отдельном случае они в общую комбинацию факторов с разным удельным весом – для одних важнее одно для других – другое и т.д. И в каждый следующий момент жизни эта комбинация уже не та, что была месяц или день назад. Надо быть совершенно безумным, чтобы полагать, будто повышение уровня или качества жизни должно автоматически приводить к повышению рождаемости. Так было бы только в том случае, если бы набор наших потребностей был бы чем-то раз навсегда заданным – по набору, интенсивности и т.д. Тогда каждая следующая потребность из этого набора удовлетворялась бы по мере появления соответствующих возможностей. Скажем, десять первых потребностей удовлетворено, а на одиннадцатую – в рождении очередного ребенка – не хватило ресурсов. Появились ресурсы – немедленно удовлетворяется эта одиннадцатая потребность, рождается ребенок, наступает очередь двенадцатой потребности. Но на деле это же абсолютно не так. Появление новых ресурсов – большего дохода, новой квартиры, новых товаров в магазинах – мгновенно меняет всю мозаику потребностей, их приоритеты, и казавшаяся насущной потребность обзавестись ребенком начинает казаться уже не столь насущной, пропускает вперед себя ряд новых потребностей – и так без конца.

Таким образом, оказывается, что роль одного фактора и даже десятка факторов на самом деле абсолютно ничтожна на фоне миллионов других, а

поведение задается некоей равнодействующей этого необозримого множества факторов, которая устойчива именно потому, что факторов очень много. Этот устойчивый фон и создает среду, в которой идет отбор соответствующих ее требованиям норм, правил, стереотипов поведения. Люди участвуют в этом отборе бессознательно, выбирая наиболее разумную и эффективную стратегию поведения, эта стратегия закрепляется в нормативной системе и меняется лишь тогда, когда существенно и необратимо меняется **вся** среда. Кратковременные колебания не играют роли, нормативная система меняется не немедленно, а с отставанием, достаточно большим, чтобы убедиться, что перемены произошли навсегда.

Конечно, можно сказать, что и на всю социальную среду можно как-то влиять, социальными процессами можно управлять и т.д. Во всяком случае, мы еще совсем недавно так думали. Однако мы же и убедились, что возможности такого влияния чрезвычайно ограничены, что можно в какой-то мере подыгрывать исторически заданным тенденциям, но идти наперекор им – это все равно, что плевать против ветра.

«Рекомендующий такую политику теоретик-демограф выглядит более ограниченным, чем не очень образованная «средняя» женщина, решающая для себя вопрос о желаемом числе детей и не могущая при этом не сознавать более или менее ясно, все социальные роли, которые она выполняет. Массовое демографическое поведение... по самой своей природе не может быть столь односторонним, сколь односторонни бывают теоретические рекомендации, основанные на неполном знании и абсолютизирующие какую-нибудь одну сторону развития»¹.

Обычно, даже когда вопрос о зависимости – автономности становится предметом обсуждения, почти само собой разумеющимся полагается, что речь идет о конкретной стране, что нашло отражение даже и в названии моего доклада: «Автономны ли демографические процессы в современной России?» Если в отношении смертности это еще можно считать оправданным, то в отношении рождаемости дело обстоит сложнее.

Конечно, нет сомнения, что, с точки зрения внутрироссийского контекста, чрезвычайно низкая рождаемость крайне неблагоприятна для страны. Однако, в отличие от очень высокой смертности, она не представляет собой чего-то исключительного, сходный уровень рождаемости наблюдается во многих развитых странах с совершенно иными социально-экономическими условиями. Это можно было бы интерпретировать как общий кризис всей современной «постиндустриальной» цивилизации, причины которого не могут быть найдены и устранены в одной стране. Впрочем, и при таком подходе нельзя не видеть, что снижение рождаемости в постиндустриальных обществах сопряжено со многими изменениями, которые принято интерпретировать как позитивные атрибуты модернизации: почти полная ликвидация детской смертности, эмансипация и самореализация женщины, растущие удельные инвестиции в детей, рост образования и пр. Учитывая это, возможно, следует говорить не о кризисе, а о внутренней противоречивости модернизационного процесса, а может быть и о том, что модернизация объективно переносит акцент с количественных на качественные характеристики социальной жизни.

¹ Вишнеvский А. Демографическая политика и демографический оптимум. В кн.: Демографическая политика. М., Статистика, 1974, с.79.

Однако снижение рождаемости следует рассматривать и в более широком, глобальном контексте. В этом снижении можно видеть системную реакцию на общемировую демографический кризис, порожденный мировым демографическим взрывом и ростом нагрузки на ограниченные ресурсы планеты. При таком истолковании снижение рождаемости в глобальных масштабах ниже уровня простого воспроизводства на достаточно длительный период есть благо, а снижение рождаемости в России, как и на «Западе», - лишь эпизод такого глобального поворота. Как бы это ни было неприятно для всех развитых стран, а для России с ее огромной территорией – особенно, поделаться с этим ничего нельзя, потому что интересы сохранения всего человечества выше интересов отдельных стран.

Но если это так, то глобальная ситуация не может не отражаться каким-то образом (даже если нам не вполне понятны механизмы) в формировании того средового фона, который предопределяет массовое прокреативное поведение во всех странах мира, в том числе и в России. А это значит, что формирование уровня рождаемости еще более автономно по отношению как к конъюнктурным факторам российской социально-экономической ситуации, так и по отношению к мерам демографической политики. Россия вместе с другими странами принимает участие в переходе к рождаемости на уровень, необходимый для изменения траектории динамики мирового населения, для смены его роста сокращением.

До сих пор речь шла о рождаемости, и, конечно, не все сказанное можно применить к смертности. Но кое-что, кажется, можно.

В частности, и в отношении смертности прослеживается глубинная независимость от конъюнктуры. Что происходит со смертностью в России? Да она просто возвращается на неблагоприятную траекторию, которая существовала до большого колебания. А почему это нас не устраивает - Ведь она намного ниже, чем была в первой половине XX века? По той простой причине, что есть мировой эталон, и мы по нему равняемся

И, наконец, миграция.

Связь внутренних миграций с социальным контекстом, преимущественно внутривосточным, очевидна. На протяжении большей части XX века многомиллионные перемещения сельского населения в города были одним из главных инструментов и одновременно результатов модернизационных сдвигов, которые изменили облик страны. С этими же сдвигами, в частности, с промышленным освоением новых районов, созданием новых городов и т.д. были связаны и межрайонные, в частности и межреспубликанские миграции советского периода. В то же время внешняя миграция на протяжении большей части этого периода была искусственно блокирована.

Политические перемены конца столетия, распад СССР и возникновение новой России в никогда не существовавших прежде границах очень сильно изменили общий контекст и выдвинули на первый план внешние миграции (тем более, что потенциал внутренних миграций к этому времени был в значительной степени исчерпан).

Новый внутривосточный контекст, в котором теперь приходится рассматривать внешние миграции, противоречив. С одной стороны, явное несоответствие убывающего российского населения и огромной территории страны (большее, чем во времена СССР) делает желательной иммиграцию, и это – демографический процесс, которым управлять намного легче, чем смертностью или рождаемостью. С другой же стороны, всякая иммиграция порождает

экономические, социальные, а иногда и политические напряжения, проблемы межкультурного взаимодействия и т.д., что неизбежно и в России, где пока преобладают антииммиграционные, а иногда и откровенно ксенофобские настроения. Поэтому рассчитывать на слишком благожелательное отношение россиян к иммиграции в ближайшее время не приходится.

Но существует еще и глобальный контекст, который определяется стремительным увеличением числа жителей в бедных развивающихся странах и нарастающим демографическим давлением на развитые страны. Оно проявляется, в частности, в нарастающей легальной и нелегальной миграции в эти страны, поисках политического убежища в них и т.д. Итоговый результат формируется под воздействием всех компонентов как внутрироссийского, так и мирового контекста, что делает этот результат трудно предсказуемым.

Отвечая на вопрос, поставленный в начале доклада, следует сказать, что главные нынешние демографические проблемы России едва ли следует связывать с экономическим и социальным развитием страны в последние 10-15 лет. Возможно, этот период высветил и обострил некоторые проблемы, но в своей основе они имеют давние исторические и социокультурные корни. Более того, большинство из этих проблем имманентны тому типу развития, который Россия избрала не одно десятилетие и даже не одно столетие тому назад, когда она вступила на путь догоняющей модернизации. Любая разумная стратегия общества должна учитывать глубокую обусловленность нынешних российских демографических тенденций, а не исходить из иллюзорных возможностей их легкого и быстрого изменения.